

1. Курс Андропова (ноябрь 1982 г.)

«Большие батальоны» действительно сыграли немалую роль в утверждении Андропова на троне. «Сильный человек в Кремле» получил поддержку оборонного комплекса, а его прочные связи с КГБ «консерваторам» не удалось перерезать за короткий срок отсутствия Андропова в этом ведомстве. Так что шансов у противников Андропова не было. Брежнев хорошо небрежно, на глазах у миллионов телезрителей буквально кинули гроб в могилу.

Первым делом Андропову необходимо было провести раздел реальной власти. Из «старой гвардии» в Политбюро нового Генсека активно поддерживали Устинов и Громыко, но они отвечали за «внешнеполитический блок». Необходимо было договориться с Черненко, который унаследовал от Брежнева если не власть, то лидерство в брежневском клане. Избавиться от бывшего конкурента было пока нельзя: «Андропов, совсем недавно вырвавшийся из аппарата КГБ на простор идеологического фронта..., не был настолько сведущ во всех тонкостях аппаратных игр. Тут ему еще трудно было ориентироваться. А Черненко — зубр! Почти 20 лет в самом сердце партийной бюрократии!... В общем, Андропову на первое время нужен был человек, который будет работать! Который знает АППАРАТ! Который может управлять Центральным комитетом.

Черненко после внезапной кончины Брежнева не стал первым человеком в партии, но с места «второго человека в партии» его пока, похоже, никто гнать не собирался — он был нужен как опытейший АППАРАТЧИК...»², — вспоминает помощник Черненко В.Прибытков. Андропов так провел раздел власти: «...В связи с изменившимся положением, тов. Черненко К.У., по моему мнению, должен заниматься вопросами, которыми занимался я, плюс вопросы КГБ, МВД и вообще весь административный отдел, отдел парторганов, общий отдел и отдел писем. Надо сосредоточить внимание тов. Черненко К.У. на вопросах идеологической работы ЦК...»³ Таким образом, именно Черненко нужно было курировать ведомства, которые будут проводить планировавшуюся Андроповым чистку. Такая уступка должна была успокоить брежневистов, показать им, что «принципы социалистической законности» нарушены не будут.

22 ноября Андропов собрал Пленум ЦК, чтобы провозгласить новый курс. Успокаивая партийную элиту, привыкшую к стабильности брежневских времен, Андропов говорил о преемственности курса, но подчеркивал в словах предшественника критические нотки: *«Члены Центрального Комитета хорошо помнят последние выступления Леонида Ильича Брежнева, его записки в Политбюро ЦК по вопросам экономического развития. Вопрос им ставился так: на съездах партии и пленумах ЦК мы выработали научно-обоснованную экономическую политику, взяли курс на повышение эффективности производства, его интенсификацию. Но перевод на эти рельсы нашего хозяйства, поворот к эффективности, осуществляются все еще медленно»*⁴.

Андропов довольно далеко зашел в разборе причин торможения интенсификации. Среди них назван и святая святых — механизм планового хозяйства: *«чтобы внедрить новый метод, новую технику, нужно так или иначе реорганизовать производство, а это сказывается на выполнении плана. Тем более, что за срыв плана производства спрашивают, а за слабое внедрение новой техники — ну самое большое, что пожурят»*⁵.

За этими смелыми характеристиками стоял не только прагматизм хорошо информированного шефа КГБ, не только прочность позиций, но и жизненная необходимость преодоления барьера научно-технической революции. Без этого отставание СССР становилось все более очевидным даже в главном — в военной технике. В самом начале своего доклада Андропов не забыл упомянуть, что *«как и всегда, в должной мере учтены потребности обороны»*⁶. Необходимо напрячь все силы, мобилизовать все резервы, чтобы преодолеть кризисную черту. Так было официально объявлено ускорение: *«Намечено ускорить темпы развития экономики, увеличить абсолютные размеры прироста национального дохода... напряженные задания должны быть выполнены при сравнительно меньшем увеличении материальных затрат и трудовых ресурсов»*⁷.

Но за счет чего выполнить эту задачу? Реформы? О них в докладе не говорится. Покритиковав механизм планирования, Генсек резюмирует: *«Соединению науки и производства должны способствовать методы планирования и система материального стимулирования»*⁸. Но над этой алхимической формулой хозяйственники СССР бились уже не один десяток лет. По мнению Андропова, любым преобразованиям должны предшествовать эксперименты. Рассуждая о необходимости расширения самостоятельности предприятий, Андропов рекомендовал пока расширить самостоятельность лишь территориальных плановых органов.

Очевидно, что такие послабления не в состоянии были дать заметного эффекта. За счет чего же Андропов рассчитывал осуществить свое ускорение? *«Необходимо усилить ответственность за соблюдение общегосударственных, общенародных интересов, решительно искоренять ведомственность и местничество»*. *«Следует решительно повести борьбу против любых нарушений партийной, государственной и трудовой дисциплины»*. *«Значит, не хватает другого — инициативы, решительной борьбы с бесхозяйственностью, с расточительством»*⁹. *«Усилить ответственность»*, «кре-

шительно искоренять», «решительная борьба» — эти слова станут лейтмотивом правления Андропова. Но в то же время в разговорах с подчиненными он ориентировал их и на другое: *«Надо быть откровеннее, правдивее. Объяснять людям, что может, а что не в силах дать страна»*¹⁰. В этих словах сквозит ощущение того, что экономическая система не может удовлетворить потребностей населения. Людей надо снова просить потерпеть, пока не найдется выход.

В ожидании прагматических преобразований, которые намечались в далекой перспективе, предполагалось подтянуть все разболтавшиеся гайки экономической машины и заставить ее сделать новый рывок. Ставка определялась военным соревнованием с Западом. Но осуществить эту трудную задачу могли только кадры, беззаветно преданные руководству, не погрязшие в коррупции, готовые к переменам: *«нужно правильно расставить кадры, с тем чтобы на решающих участках стояли люди политически зрелые, компетентные, инициативные, обладающие организаторскими способностями и чувством нового, без чего нельзя в наше время успешно руководить современным производством»*¹¹.

Слова о расстановке кадров были увязаны с конкретными шагами. *«Юрий Владимирович заявил нам, что не пойдет на Пленум до тех пор, пока в его выступлении не будет говориться об ответственности конкретных руководителей тех министерств, где дела идут особенно плохо, — вспоминает Горбачев. — Поэтому в текст и были вписаны резкие критические пассажи о работе транспорта, о состоянии металлургии и строительства, которые из года в год не обеспечивали нужд народного хозяйства. А в скором времени руководителей этих министерств — Павловского, Казанца и Новикова — вообще отстранили от работы... Вопрос о Новикове был поставлен в связи с тем, что в Волгодонске на недавно выстроенном “Атоммаше” вдруг началась просадка зданий и сооружений, которая показала, что при предварительных расчетах и самом строительстве проявили вопиющую безответственность»*¹². Как показали последующие события, крупнейшие катастрофы были еще впереди, и дело было не столько в министре, сколько в системе. Но конкретные «оргвыводы» во всяком случае убеждали людей в серьезности намерений Андропова.

Народ встретил нового Генсека с надеждой на перемены. Дело было не в том, что большинство жителей СССР поддерживали КГБ или идею «закручивания гаек». Просто безвременье позднебрежневского правления надоело людям. Хотелось видеть на вершине власти человека, способного что-то менять. Андропов казался именно таким лидером. По словам знавшего его Ф.Бурлацкого, «самой сильной чертой Андропова... была деловитость, умноженная на острое видение политической стороны любой проблемы. Деловитость — довольно редкое качество среди русских и особенно советских государственных деятелей»¹³. Деловитость Андропова бросалась в глаза и внушала надежды.